

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 г. в Таре. Работает руководителем литературно-драматургической части Омского государственного Северного драматического театра им. М. А. Ульянова. Произведения печатались в периодических изданиях, сборниках и антологиях Тары, Омска, Ужгорода. Победитель и лауреат ряда городских и областных конкурсов, в том числе VI и VII региональных поэтических конкурсов «Омские мотивы» (Омск, 2013, 2014).

БАНКА СГУЩЕНКИ

Мелодрама военной поры

В основу пьесы положен сюжет из воспоминаний жительницы г. Омска Нины Даниловны Заборовской

Роли: женские: 6; мужские: 1; детские: 1; другие (животные, предметы и т. п.): нет; массовка: нет.

Оригинальный язык произведения: русский; период написания: XXI век, май, 2015 г.

Действующие лица:

Нина Даниловна, бодрая старушка, почти 80 лет

Нина в детстве, 10–11 лет, озорная

Коля – брат Нины, 16 лет, спокойный, рассудительный

Мария Ивановна, мать Нины и Коли

Луша, соседка, женщина средних лет

Катюша – 18 лет, самая бойкая

Танечка – 17 лет, самая маленькая, с кошечками

Наденька – 18 лет, самая скромная

Наши дни. Квартира Нины Даниловны. Кухня. Стол, посудный шкаф, табуретки. Тумбочка, на которой стоит телефон.

Нина Даниловна накрывает на стол. На столе тарелка с блинами.

Нина Даниловна (*напевает*).

Ах, вы сени, мои сени.

Сени новые мои.

Сени новые, кленовые,
Решетчатые.

Выходила молода...

Чтой-то Света не звонит? Чай, не забыла, что суббота.

Раздается телефонный звонок. **Нина Даниловна** идёт к телефонному аппарату.

Слышу, слышу. Чего растрезвонился? Чай не глухая. Ишь, голосистый какой! Да иду я, иду. Не видишь, что ли? Алё... (*дует в трубку*). Говорите, слушаю. Я, доченька. Кто же ещё?.. Ничего я не запыхалась... Да не злая я. Доченька, я что хотела тебе сказать-то. Ты сегодня обязательно приходи ко мне. Я знаю, что всегда в субботу приходишь. А сегодня обязательно приходи... Ага. Дело у меня к тебе есть... Важное. Очень важное... Да чего покупать? Не надо ничего покупать. Чего деньги тратить? Да так, посидим, чаю попьём... Не выдумывай, какой ещё торт? Праздник, что ли? Не надо торт. Я блинов напекла. Как ты любишь... Говорю же, чайку попьём, и ладно. Молоко? Какое? А, простое... Слушай, доченька, простое не надо, вот разве что... И ничего я не молчу. Я говорю, простое не надо. Ты бы вот сгущёнки мне купила. А? Прихоти?.. Никогда в жизни не ела? Ну, вот не ела, а сейчас что-то так захотелось. Хоть ложечку... Сколько мне надо-то? Давай, давай, жду. И я тебя целую. Не забудь сгущёнку-то. Вот. То-то... Вот что выдумывает, а? Не знает, куда деньги девать, что ли? Вот ведь прибежит на минутку и обратно. Всё ей некогда. А сегодня надо. Видно, время пришло.

Нина Даниловна подходит к шкафу, достаёт пачку чая, конфеты и банку сгущённого молока. Несёт всё это на стол. Берёт банку, протирает её полотенцем. Молча садится на табуретку к столу.

Нина Даниловна. Не ела... Ела, доченька, я эту самую сгущёнку. Ещё как ела. На всю жизнь запомнила, как ела. (*В это время моргает свет*.) Что ещё за новости? Чего заподмигивал? Можя, лампочка сгорела. А, нет, опять зажётся. О, погас. (*В это время происходит смена декораций*). В темноте

продолжает разговаривать). Да что это за дела? Точно, лампочка сгорела. Говорила мне Света, купи сберегающую. А чего мне сберегать? Чего зря на эту лампочку деньги тратить? Много ли мне одной надо? Ты смотри, не горит. Придётся, видно, свечку искать. Как в войну.

1943 год. Квартира Марии Ивановны. Моргает свет. Кухня. Стол, посудный шкаф, табуретки, радиоприемник. Занавесками перегороджена зона «спальни». За столом **Нина**. Она что-то рисует. Подходит **Коля**. Заглядывает через плечо, чем занимается Нина.

Коля. Нин, ты бы ерундой не занималась. Мама скоро придёт. Обед лучше сготовь.

Нина. А чего его готовить? Всё готово. Картоха вон готова. Тёплая ещё.

Коля (*берёт в руки рисунки, рассматривает*). Что это? Танки? И самолёты? Ну, ты даёшь! Ты бы лучше цветочки рисовала.

Нина. Это почему ещё?

Коля. Потому. Девочки должны кукол рисовать, домики, цветочки там всякие. А мальчики...

Нина. Что мальчики, что? Про войну только мальчики могут рисовать, да? Может, скажешь, что девочек и на войну не возьмут?

Коля. Конечно, не возьмут. Кто же вас возьмёт?! На войне должны быть сильные люди. А вы...

Нина. Значит, ты тоже слабый?

Коля. Почему это?

Нина. Тебя ведь тоже не берут. Вот сколько раз ты уже в военкомат ходил?

Коля. Так меня не берут, потому что двух лет не хватает. Но я всё равно уйду, вот увидишь.

Нина. Коль, а наш Миша уже никогда не вернётся?

Коля. Не вернётся.

Нина. А его правда убили?

Коля. Правда.

Нина. Коль, его совсем-совсем убили?

Коля. Убили, Нина, убили.

Нина. А почему именно нашего Мишу убили?

Коля. На войне, Нина, многих убивают.

Нина. А он ведь у нас был сильный, правда?

Коля (*подошёл и обнял Нину. Она уткнулась в него и начала всхлипывать*). Правда, Нина. Миша был очень сильный. Ну-ну, успокойся.

Нина. Коль, а ты не ходи на эту войну. Папка ушёл, потом Миша. А ты не уходи, ладно? Вот как мы без тебя будем жить? В доме же мужик нужен.

Коля. Ого! Кто это тебя таким словам научил?

Нина. Так это тётка Луша всегда так говорит. Вот и вы, говорит, без мужика остались. Как будто у самой мужик есть, да ведь, Коля? У нас хоть папку на войну забрали, а у неё вообще мужика нет. А ещё говорит, мужик в доме нужен.

Коля. А я что, не мужик?

Нина. Я вот думаю, Коля, какой же ты мужик? Ты ещё не мужик.

Коля. Это почему?

Нина. Потому что тётка Луша говорит, мужиков всех на фронт забрали. А раз тебя не забрали, значит, ты не мужик. А это и хорошо, что не мужик. Да, Коля? Значит, тебя и не возьмут на войну... Коля, ты не уходи, ладно?..

Входит **Мать** (**Мария Ивановна**). Она слышит последние слова Коли. **Мать** раздевается. Моет руки в рукомойнике, начинает собирать на стол.

Мария Ивановна. Куда это ты, сынок, собрался?

Коля. Никуда.

Нина. Мамочка, ты что так долго?

Мария Ивановна. Я же говорила, рабочее время удлиннили на три часа.

Нина. Мама, а Колька наш на войну собрался!

Коля. Не ври, а. Мам, вот почему у нас Нина такая вруша? (*Втихушку показывает ей кулак.*)

Нина. Ты же сам говорил.

Коля. Так я говорил, через два года.

Нина. Мам, а давай Колю не отпустим.

Мария Ивановна. Давай. Ну, как вы тут?

Нина. Нормально. Только Коля опять в Захламину ходил. А я опять одна.

Мария Ивановна. Так Коля работать ходил.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, рассказывайте мне сказочки. Знаю я, куда он ходил.

Коля. И куда?

Нина. К бабушке.

Коля. Нина, я работаю в Захламино, а заодно и бабушку проведу.

Нина. Работают на работе. А я знаю, зачем ты к бабушке каждый день ходишь.

Коля. И зачем?

Нина. Бабушка тебя любит, она тебе каждый день молочка свеженького дает.

Мария Ивановна. А ты откуда знаешь?

Нина. Так бабушка сама так говорила. Я знаю, она Колю любит, а меня нет.

Мария Ивановна. Бабушка вас всех любит.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, рассказывайте мне сказки. Она меня знаешь как называет?

Мария Ивановна. И как же?

Нина. Проходимка.

Мария Ивановна. Как-как? *(Смеется.)*

Нина. Ага. Проходимка. Она мне сама раз сказала: «Ох, Нинка, ох, проходимка».

Мария Ивановна. Так это она тебя так любя называет.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, любя. Только я не знаю, почему она меня так называет. Это Коля наш проходимец. Это же он каждый день в Захламину ходит. Вот он и проходимец. Да, мам?

Мария Ивановна. Хватит собирушки собирать, садитесь ужинать.

Все садятся к столу. Достают из кастрюли картошку в мундирах. **Мать** режет огурцы, раскладывает на тарелку.

Нина. Мама, а почему её называют Захламиной?

Коля. Вот привязалась же ты к этому Захламино. Название такое. Вот почему наш город называют Омском?

Нина. А Захламина ведь не город, а деревушечка маленькая.

Коля. Нина, а это как имя. А имя должно быть у каждого. Даже у самого маленького. Вот ты ведь у нас тоже маленькая, а у тебя тоже есть имя.

Нина. И ничего и не маленькая. Как картоху варить, так большая, а так дак маленькая, да? И вообще, мамочка, надоело мне одной. Коля уйдёт в деревню, а я всё одна да одна.

Мария Ивановна. Ничего, скоро не будешь одна.

Коля. Это как?

Мария Ивановна. Да на завод снова пополнение обещают. Вот, просили двух девочек на постой взять.

Нина. Не надо нам никаких девочек.

Мария Ивановна. Это почему ещё?

Нина. А где они будут спать? У нас и места-то мало.

Мария Ивановна. Всем места хватит. И потом, они же не навсегда. Коль, ты как на это смотришь?

Коля. Мне что? Пусть живут, а я, может, скоро...

Мария Ивановна. Я тебе дам скоро. Я тебе дам.

Нина. Мама, а Коля опять в военкомат ходил.

Мать села на табурет.

Мария Ивановна. Коль, хоть ты-то меня пожалей. Я от Мишеньки ещё не отошла. За отца душа болит, а тут ты... Да и не возьмут тебя, слава Богу, рано ещё.

Коля. Мама, да пойми же ты: когда будет не рано, война кончится.

Мария Ивановна. Вот и хорошо, что кончится. Отец вернётся, и будем снова все... почти все... вместе.

Мать накрыла чистым полотенцем еду на столе.
Села. **Голос Луши.**

Луша. Марь Иванна, ты дома?

Мария Ивановна. Дома, дома. *(Детям)* Так, лишнего тут не говорите. Заходи, Луша.

Входит Лукерья.

Луша. Повечерешнили уже? Марь Иванна, я сводку послушать зашла. Можно?

Мария Ивановна. Отчего же нельзя? Проходи.

Луша. У меня приёмник что-то барахлит. Посмотрел бы, Коля, а?

Коля. Посмотрю, тётя Луша.

Луша. Вот спасибо, что бы я без тебя делала? Хоть один мужик остался.

Нина. Мужик?!

Луша. Мужик! А-то как же не мужик?!

Нина. Ой-о-ёй! Мужик!

Луша. Марь Иванна, чё на заводе новенького?

Мария Ивановна. А что там за день будет новенького? Ничего. Ты же вчера на смене была.

Луша. Так, то вчера, а то сегодня. Тут за день столько всего случается.

Мария Ивановна. Как всегда, норму выполнили. С трудом, правда.

Луша. Да, рук не хватает. Почти шестьсот мужиков с завода на фронт ушло. Отпуска у нас у всех поотменяли.

Мария Ивановна. Да какие уж тут отпуска? Не до них сейчас.

Нина. Ничего, тётя Луша, не переживайте. Скоро вам будут руки. Целых четыре. Да, мам?

Луша. Какие руки?

Нина. Как какие? *(Показывает свои руки.)* Вот такие.

Мария Ивановна. Нина, иди займись чем-нибудь.

Луша. Откуда ж они возьмутся, руки-то? Мужиков забрали...

Нина. Так снова приедут помощники.

Мария Ивановна. Нина, ты не говори чего не знаешь. И не встревай во взрослые разговоры.

Нина. Ты же сама сказала. Да ведь, Коля, она же сама сказала?!

Коля. Нин, тебе же сказали, займись чем-нибудь. Взрослые разговаривают, а ты встреваешь.

Нина. Ой-о-ёй! Ага. Подумаешь! Ну и буду молчать. Вот замолчу, и больше слова из меня не вытяните.

Мария Ивановна. Сложновато перестроиться, Луша. То сельхозтехника, а то зенитки.

Нина. Зенитки? Ух, ты, как интересно. А зенитки – это что?

Коля. Интересно ей. Понимаешь, раньше, ну, до войны, на заводе, где мама с отцом работают, выпускали запчасти к тракторам. Трактор-то хоть знаешь, что такое?

Нина. Коля, ты что из меня дурочку делаешь? Трактор я не знаю. Ишь, чего удумал!

Коля. Вот. А теперь рабочие выпускают зенитные снаряды, корпуса разные для «Катюш».

Нина. Про «Катюшу» я слышала. Это машина такая, боевая. Коль, а ты знаешь, почему её «Катюшей» назвали?

Коля. Кто же этого не знает?

Нина. Это же из-за песни про Катюшу, да, Коль?

Коля. Говорят, что так. Только ещё и другие истории рассказывают.

Мария Ивановна *(включает радиоприёмник).* Всё. Давайте-ка помолчим.

Звучит запись оперативной сводки Ю. Левитана за 23 августа 1943 года (<http://muzofon.com/search/Левитан%201943/2/>)

«Говорит Москва. Приказ Верховного главнокомандующего. Генерал-полковнику Коневу, генералу армии Ватутину, генералу армии Малиновскому. Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боёв сломали сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.»

Нина. Ура! Мама, наши победили! *(Заплясала и начала петь).* Ах, вы сени, мои сени...

Коля. Да замолчи ты.

Мария Ивановна. Тише. Слушайте, слушайте.

«...Таким образом, вторая столица Украины, наш родной Харьков, освобождён от гнёта немецко-фашистских мерзавцев. В наступающих боях за владение городом Харьковом наши войска показали высокую боевую выучку, отвагу и умение маневрировать...»

После этих слов **Мать** убавляет звук радиоприёмника.

Мария Ивановна. Вот и хорошо. Даст Бог, скоро и разобьют эту нечисть.

Коля. Mam, а чего до конца не дослушали?

Мария Ивановна. Услышали хорошую новость, и ладно. Боюсь я, сынок, плохих новостей.

Луша. И то правда. Вот и Харьков освободили, скоро, глядишь, и домой наши мужики вернутся.

Нина. Вернутся! Вернутся! И папка наш вернётся! *(Запела.)*

Ах, вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.
Выходила молода...

Тётя Луша, так у тебя же нет мужика. Какие же «наши»?

Луша. А мне сейчас, Ниночка, все мужики родными кажутся. За всех душа болит. Они ведь за нас жизни свои не жалеют. Вон, пошли с этим супостатом воевать. А мы ничего, мы как-нибудь... Главное, чтобы они там... Сохрани их, Господи. Ну, вот и спасибо. Вот и пойду теперь спокойно. Марь Иванна, так что там с помощниками-то?

Мать. Не знаю, Луша, пока ничего.

Луша уходит.

Нина. Mam, ты радио выключила, а вдруг бы про нашего папку что сказали.

Мария Ивановна. Да чего ж, Ниночка, они про нашего папку будут говорить? На войне сейчас много папок, про всех не расскажешь.

Слышны какие-то шумы и голоса в сенках.

Луша, что ли, вернулась? Может, что забыла?

Стук в дверь. Покашливание.

Коля. Да вроде не тетя Луша, она не стучится.

Стук повторяется. Покашливание.

Мария Ивановна. Да входите уже. Кто там? Входите, не бойтесь. Здесь не кусаются.

Открывается дверь. В комнату одна за другой входят три девушки.

Почти вместе: Здравствуйте.

Нина. Здравсьте! Ой-ё-ёй! Это вы, что ли, помощники?

Мария Ивановна. Нина, кто же так гостей встречает?

Нина. Так гости только в гости приходят, а вы же жить к нам пришли, да?

Мария Ивановна. Нина! Не слушайте вы её. Чего в дверях-то? Проходите.

Катюша. Нас с завода к вам направили. Я – Катя. А это Танечка.

Наденька. А я – Надя.

Мария Ивановна. А я – Мария Ивановна, можно просто тётя Маша. Это Коля, мой сын. А это....

Нина. Нина я, дочка. А вы, значит, жить у нас собрались?

Катюша. Нам сказали, вы не против.

Нина. Кто это вам сказал?

Мария Ивановна. Конечно, не против.

Нина. Ага. Уж мы вас так ждали, так ждали! Ага. Только мама сказала, вы не сегодня приедете.

Наденька. Да мы и сами ещё не собирались, но вдруг сказали ехать. Рабочих рук не хватает.

Нина. А мама говорила, что вас двое будет.

Катюша. Мы тоже так думали, а вот на проходной завода с Таней познакомились. Решили вместе к вам проситься.

Танечка. Но если вы против, я ещё где-нибудь жильё поищу.

Коля. Чего искать? Оставайтесь. Найдём место.

Нина. Коль, ты что, влюбился?

Коля. Ну вот ещё. Думай, чего говоришь.

Мария Ивановна. Так, давайте руки мыть и за стол. Вот, как знала, не убирали.

Наденька. Спасибо, мы сытые.

Мария Ивановна. Вы же с дороги, так какие же вы сытые? Садитесь, садитесь.

Девушки присаживаются к столу.

Наденька. Да неудобно как-то.

Мария Ивановна. Чего уж тут неудобного? Будем жить вместе, вот всё у нас и будет вместе. Да, Нин?

Нина. А как же? Вместе работать, вместе обедать. И вместе маму слушаться.

Все рассмеялись.

Мария Ивановна. Ешьте, не стесняйтесь. Картошку берите, огурцы опять же. Огурцы нынче уродились. *(Наливает им в кружки молоко)*. Вот и молочка понемногу всем достанется. Коля из деревни приносит. Он на заработки ходит в Захламино, недалеко от города.

Катюша. А там что?

Мария Ивановна. Людям помогает. Раньше помогал огород копать, кому дров поколоть, кому сено стаскать. А люди расчитываются, кто чем может. И здесь, на заводе, помогает. Труженик.

Нина. Ага, он у нас мужик. А ты чего молчишь, мужик? Мама, а чего это Коля у нас молчит, а? Коля, а ты не влюбился?

Коля. Не говори ерунду.

Нина *(обращается к Танечке)*. Я тебя как звать не запомнила, ты меня научишь такие косички плести?

Танечка. Таня я. Только меня все Танечкой почему-то зовут. Научу, конечно.

Мария Ивановна. Маленькая ты, вот потому и Танечка. А вы на завод-то сами напросились или послали вас?

Катюша. Сами. Говорят, с завода легче на войну попасть.

Мария Ивановна. И вы туда же? Вам-то какая война?

Наденька. Вы не смотрите, что мы такие, можем медсёстрами.

Катюша. А я стрелять хорошо умею. У меня отец охотником был, рано меня стрелять научил.

Коля. Почему был?

Катюша. Убили его. Похоронку в первый же год получили.

Танечка. Похоронкам тоже не всегда верить надо, правда, Мария Ивановна? Вот может, прислали похоронку, а потом оказалось, что живой. Ну, в госпитале, например.

Нина. А мы тоже похоронку на Мишу получили. Только мама запрещает об этом говорить. Да, мама?

Коля. Миша – это брат мой. *(Нине)* А ты опять за своё?

Мария Ивановна. Да ладно. Чего уж...

Танечка. Мария Ивановна, а вы не верьте! Вдруг и он живой? Воюет где-нибудь.

Мария Ивановна. А я и не верю. Я его всегда ждать буду. Вот пока сама буду жить, так и его ждать буду.

Катюша. Вот и правильно. А вы, тётя Маша, не переживайте, мы у вас долго не задержимся. Мы завтра же в военкомат пойдём. Попросимся на фронт. Сразу не возьмут, работать будем. Хорошо работать. Может, заметят нас, а там, глядишь, и на фронт. Правда, девочки?

Танечка. Конечно!

Мария Ивановна. Тебе-то куда? Тебе лет-то сколько?

Танечка. Восемнадцать.

Наденька. Ты же сказала, семнадцать.

Танечка опустила голову.

Танечка. Я метрики подделала. Незаметно.

Нина. Ой-ёй! А нас в школе ругают, если мы оценки поддельываем. Я раз тройку на пятёрку исправила, так мне так попало! Ой-ё-ёй! Нет, вас на войну не возьмут.

Наденька. Почему?

Нина. Так Коля сказал. На войну только мужиков берут.

Катюша. Ничего, и нас возьмут. Я вот, знаете, какая настырная – что скажу, обязательно своего добьюсь. Вот увидите.

Наденька. И я добьюсь. У меня и отец, и два брата на фронте. И я пойду.

Нина. А вдруг убьют?

Катюша. Не убьют.

Мария Ивановна. А родителям-то как-во?

Катюша. Маме и не скажу, что на фронт пойду. Она же думает, я здесь буду, на заводе.

Танечка. А у меня вообще никого нет. Родители погибли давно. До войны ещё. Меня бабушка воспитывала, а в прошлом году и она умерла. Так что плакать обо мне некому.

Мария Ивановна. Вы уж, девочки, лучше живите. *(Начинает моргать свет).* Отключат сейчас. Ну, давайте укладываться. Поздно уже, завтра рано вставать. Выспитесь, сил наберетесь, а то на заводе так уработаетесь, что еле до койки доберётесь.

Катюша. Не, мы сильные.

Нина. А Коля сказал, что только мужики сильные. А девочки должны только по хозяйству. А ещё цветочки и домики рисовать.

Девушки засмеялись.

Мария Ивановна. Иди уже спать. Профессор ты наш.

Нина. Мам, а Коля меня с собой в Захламину возьмёт?

Мария Ивановна. А это уж ты у Коли спрашивай.

Коля. Спи давай, там видно будет.

Нина. Танечка, ты только про косички не забудь.

Танечка. Не забуду.

Лампа начинает мигать. Затемнение.

Зима. Утро. В комнате только **Нина**. Входит **Коля** с охапкой дров. Кладёт их в уголок. Начинает собираться в Захламино. Надевает тужурку, шапку. Берёт заплечный мешок, кладёт туда хлеб и две картошины.

Нина. Коль, а ты куда собираешься?

Коля. В Захламино. Обещал деду Василию дров поколоть. Дед-то старый уже, трудно ему. Да и сала обещал дать.

Нина. Коль, возьми меня с собой в Захламину. Ну, возьми, а.

Коля. Ты знаешь, сколько до него добираться? Ты же не дойдёшь.

Нина. Ой-ё-ёй, не дойду. Ещё как дойду, вот увидишь. Я тебе и дрова складывать помогу.

Коля. Мне только сколоть, дед Василий сам складывать будет.

Нина. Ну, возьми, Коль.

Коля. На улице холодно. Замёрзнешь.

Нина. Коленька, я тепло-тепло оденусь. Ну возьми, Коленька. Ну, пожалуйста.

Коля. Хорошо. Возьму, но с одним условием. Чтобы дорогой не ныть, будешь до

самого Захламино петь про свои сени. Согласна?

Нина. Согласна! Ещё как согласна! Я знаешь, как красиво петь могу.

(Запела.)

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода...

Входит **Луша**.

Луша. Ну, как вы? Мать просила проверить.

Нина. Мы прекрасно! Мы в Захламину пойдём на заработки!

Луша. Ишь ты, работница какая выискалась. Ну, к девчонкам-то привыкли?

Нина. Привыкли. И Коля привык. Он особенно к Танечке привык.

Коля. Нина!

Нина. Молчу, молчу, Коленька.

Луша. Ну, идите с Богом. Да теплее одевайтесь. Мороз на улице.

Луша уходит. **Нина** быстро начинает одеваться.
Валенки, шапка, шубка.

Нина. Готово, товарищ командир!

Коля. Ну, пошли, раз готова. Маме только записку напишем, чтобы не переживала. А то они придут с ночной, а нас нет.

Нина. Ага. И девочки ещё переживать будут. Я уже к ним как-то и правда привыкла. Коля, а они такие хорошие, правда. Особенно твоя Танечка.

Коля *(пишет записку).* И чего это она моя? Ничего она не моя.

Нина. Ой-о-ёй! Не твоя! Я же вижу, что она тебе нравится. А гулять с ней вечером кто ходил, а?

Коля. Дед Пихто. Ещё будешь так говорить, не возьму.

Нина. Не буду, не буду. Только Танечка мне тоже говорила, что ты ей нравишься. А что, Коля, вот кончится война, и вы с Танечкой поженитесь. У вас ребялёнки народятся, я с ними нянчиться буду.

Коля. Я что тебе сказал?.. Нянька... Пошли.

Нина. Пошли! Пошли! Мы в Захламину пошли! Коля, а когда петть начинать?

Коля. Вот как на окраину выйдем, так и начнёшь.

Нина. Ну, смотри. А то я прямо сейчас могу.

Коля. Я что сказал?

В комнате небольшое затемнение. **Нина** и **Коля** спускаются со сцены и идут перед зрителями первого ряда. **Коля** идет впереди. **Нина** за ним вприпрыжку.

Нина (*поёт*).

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода

За новые ворота,

За новые кленовые,

За решетчатые.

Коля, а я дальше слов не знаю.

Коля. Пой сначала.

Нина поёт с начала, они уходят. Комната освещается. Входят **Мать**, **Танечка** и **Наденька**. Раздеваются.

Мария Ивановна. Нина! Спишь, что ли? Вроде уже белый день. (*Заглядывает за занавеску.*) Никого. (*Замечает на столе листок, читает.*) Коля её с собой в Захламино взял. Далековато. Как дойдёт-то? Не замёрзла бы.

Танечка. Тётъ Маша, так Коля же присмотрит, он же у нас совсем взрослый.

Мария Ивановна. У нас? Я вижу, нравится он тебе? Не красней, что тут такого? Дело молодое. Вот война кончится, поженишься.

Танечка. Да что вы, тётъ Маша...

Мария Ивановна. А Катюша куда побежала?

Наденька. Она, тетя Маша, в военкомат. Вроде вызвали её.

Мария Ивановна (*села на табурет*). Да ты что?

Танечка. Тётечка Машечка, да не волнуйтесь вы так. Может, ещё не возьмут.

Мария Ивановна. Ох. Девочки, девочки. Привыкла я к вам. Вы ж нам как родные стали.

Наденька (*подошла и обняла Марию Ивановну*). И вы нам, тётя Маша.

Танечка. А мне иногда так хочется вас мамой назвать.

Мария Ивановна. Так называй, кто ж не велит?

Танечка. Можно?

Мария Ивановна. Можно, можно. Есть-то будем?

Наденька. Вы извините, я так устала, что и есть не хочу. Да мне ещё надо рукавицы довязать. Чуть-чуть осталось. (*Достаёт вязание, начинает довязывать рукавицы.*) Посылку хотели на фронт сегодня отправить.

Танечка. А я две пары носков связала, и Катюша тоже. И ещё она кисет вышила.

Наденька. Ага. Красиво получилось, с надписью «Неизвестному солдату с любовью».

Мария Ивановна. Вот и хорошо. Получит какой-нибудь солдатик вашу посылочку и словно дома побывает.

Наденька. У нас в смене девчонки тоже много навязали. Так мы общую посылку и отправим.

Мария Ивановна. Вот и правильно. Катюши что-то долго нет.

Танечка. Придёт, не переживайте.

Входит **Луша**.

Луша. Марь Иванна, радость-то в ваш дом! Почтальонка приходила, письмо принесла от защитника твоего.

Мария Ивановна. От мужа?

Луша. А от кого же ещё? От него, от него. Так вас не было. Она сказала, потом ещё раз зайдёт.

Мария Ивановна. Луша, так надо было...

Луша. Я просила. Ни в какую не хотела отдавать. Говорит: «Не положено». Но я всё равно выпросила. Вот, возьмите.

Мария Ивановна. Вот спасибо, Луша. Вот спасибо.

Танечка. Читайте, Мария Ивановна, читайте скорей. Как он там?

Мария Ивановна. Руки что-то дрожат. Сейчас соберусь. *(Трясуцимся руками разворачивает письмо.)*

«Здравствуйте, дорогие мои жена Машенька, сын Коля и дочка Ниночка.

Письмо ваше получил, за что премного благодарен. Вот уже скоро три года, как я не видел вас. Я очень соскучился, часто вас вспоминаю. Сын, ты уже большой. За старшего. Помогай матери, за Ниной приглядывай. Да бабушку не забывайте. Я скоро вернусь. Вот прогоним всех фашистов, и вернусь. Большой солдатский привет вашим новым девочкам. Да скажите им, пусть на фронт не торопятся. Война – это не игрушки. Здесь страшно даже мужикам.

Крепко целую вас, ваш муж и отец.

Январь, 44 год».

Наденька. Тётъ Маша, вы что, плачете? Живой ведь.

Мария Ивановна. Мало как-то написал. Я и не начиталась.

Танечка. Так вы ещё раз прочитайте. В другой раз больше напишет.

Наденька. Может, нельзя было. А вдруг они в атаку собрались? Война ведь.

Мария Ивановна. А я и этому рада. *(Прижала письмо к груди.)* Живой.

Танечка *(замечает, что Луша плачет).* Ой, тётя Луша, что с вами?

Луша. Ничего, деточка, это я так, это пройдёт. Это я от счастья.

Мария Ивановна. Да где оно, твоё счастье? Да, вот оно как выходит, Лукерья. Мало нам женского счастья досталось. Война – злодейка. Ну, ничего, вот кончится война, придут наши мужики, мы платья наде- нем.

Луша. И то правда. А то сами уже в мужиков превратились. А я уж и не помню, когда последний раз в платье ходила.

Мария Ивановна. Ой, что же это мы, радио-то включить забыли. Танечка, Наденька, включайте! Включайте. Что-то у меня ноги словно подкосились.

Танечка включает радио.

Танечка. Что это оно молчит?

Мария Ивановна. Ничего, подождем.

Все сидят молча. Вдруг открывается дверь. Входит **Коля** и держит на руках **Нину**. Видно, что он устал.

Мария Ивановна. Коля, сынок, что случилось?

Коля. Ничего, мама, не волнуйся. Спит она.

Наденька и Танечка *(вместе).* Спит?

Коля. Ага. Устала.

Мария Ивановна. Клади её, Коля, на диван.

Луша. Раздеть надо.

Мать стала её раздевать, **Нина** от этого проснулась. Огляделась и начала реветь. Сначала тихо, потом всё громче и громче.

Мария Ивановна. Доченька, что случилось?

Нина. Ничего-о-о. Я, как и договаривались...

Мария Ивановна. С кем договаривались?

Нина. С Ко-о-олей.

Танечка. Да не реви ты. О чем вы договаривались?

Нина. Что я петь буду.

Мария Ивановна. Что петь?

Нина. Се-е-ени.

Мария Ивановна. Ничего не понимаю. Коля, хоть ты расскажи.

Коля. А чего тут рассказывать? Нина попросилась со мной в Захламино.

Мария Ивановна. Ну...

Луша. А я ещё сказала, что мороз на улице.

Коля. Вот. А на улице-то мороз. Вот я и подумал, раз уж собралась, пусть всю дорогу бежит и песни поёт. Ну, чтобы не так замёрзнуть.

Мария Ивановна. Ну, а она?

Нина. Я и пе-ела. Про се-е-ени.

Коля. Когда туда шли, пела. А обратно устала, видно. Давай, говорит, Коля, немножко посидим и дальше пойдём.

Луша. Где посидим-то? На дороге?

Коля. Вот и я ей то же.

Мария Ивановна. А она?

Коля. А она реветь. Пришлось взять на руки. Не заметил, как она и уснула. А тяжёлая-то какая. Руки, кажется, отвалются.

Нина. И ничего я не тяжёлая-я-я.

Все начинают смеяться.

Наденька. А как пела-то?

Нина. Как, как. Вот так *(начинает петь сквозь слезы)*:

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода

За новые ворота,

За новые кленовые,

За решетчатые.

Мария Ивановна. Коля, а у нас радость-то какая. Отец письмо прислал!

Коля. Ну?! Живой, здоровый?

Мария Ивановна. Живой, Коленька, живой. На, почитай.

Коля, даже не скинув одежды, читает письмо.

Тихо начинает говорить радио. **Мать** подошла и добавила звук. Тише. (<http://stop-mp3.com/> Ю. Левитан – сообщение о полном снятии блокады 27.01.1944)

«Говорит Москва. Последний час. Успешное наступление наших войск в районе южнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда. На днях наши воска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших город Ленинград. Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду города Ленинграда. Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений с большим количеством противотанковых и противовоенных препятствий. Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега реки Невы, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера. Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 км и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург. Крупные укрепленные

пункты – Марьино, Московское, Дубровка, Липка, рабочие посёлки номер 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синяино и станцию Подгорное. Таким образом, после 7-дневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

Нина. Мама, уже победа? Значит, папка скоро придёт?

Мария Ивановна. Победа, доченька, только ещё не окончательная. А папка... папка наш придёт, обязательно.

Луша. Придут мужики домой. Обязательно придут. И папка ваш придёт.

Луша встала и пошла домой.

Только **Луша** ушла, вбегает **Катенька**.

Катенька. Тётя Маша, Танечка, Наденька, наконец-то! Я знала, знала!

Танечка и **Наденька** подбежали к **Катеньке** и стали обниматься.

Мария Ивановна. А чего это вы так радуетесь? А ты, ну-ка, сядь. Садись, садись. Рассказывай.

Катенька. Повестки... нам всем повестки... Завтра на фронт.

Мария Ивановна. Что?

Коля. Как на фронт? Это что же получается? Девчонок берет, а я...

Нина. А ты, Коля, ещё не дорос. Тебе ещё год и ещё полгода осталось.

Танечка. Тётя Маша, мы от вас скрывали, мы уже ходили...

Катенька. Мы почти каждый день в военкомат ходили. Нам с Танечкой уже, а Кате вот сегодня... Мы вас не хотели расстраивать. Мы уже и вещи собрали. *(Выносит из-за занавески чемодан и ставит его у входа.)* Вот. Мы уже давно... готовы.

Следом за ней чемоданы выносит и **Танечка**.

Танечка. Вот, мой и Катин.

Мария Ивановна. Ох, девочки, девочки... Куда же вы? В это пекло? Да как же это... Да что же это только делается, а?

Катенька. Тётя Маша, вы только не переживайте. Всё будет хорошо, вот увидите. А это... *(достаёт из сумки продукты)* паёк

на заводе выдали. Вот: конфеты, печенье, сгущёнка.

Нина. Ух, ты, самая настоящая сгущёнка?

Катенька. Самая настоящая. А хочешь, я тебе свою отдам?

Мария Ивановна. Не выдумывай. Вам там нужнее будет. Убирайте сразу, чтоб не забыть завтра. Правда, Нина?

Нина. Конечно, правда. Убирайте, убирайте.

Катенька складывает в чемодан «паёк».

Мария Ивановна. Постилаться надо. Завтра рано вставать.

Катенька. Последний раз сегодня поспим в тёплой кровати, и в путь!

Наденька. Пойдёмте, девочки.

Мария Ивановна. Коля, вы тут с Ниной поешьте сами.

Коля. Ложись, мама, не переживай, не маленькие.

Мать и девочки уходят за занавеску. Остаются **Коля** и **Нина**. **Коля** наливает молока, режет хлеб. **Коля** и **Нина** сидят за столом.

Нина. Коля, а ты хочешь сгущёнки?

Коля. Мало ли что я хочу?

Нина. Ничего, Коля, вот кончится война, мы с тобой целый ящик сгущёнки себе купим, правда?

Коля. Правда, правда. Ешь давай да спать пойдём.

Нина. Так ты иди, а я поем, на столе приберу и тоже спать пойду.

Коля. Ладно. Пойду, завтра надо деду Василию с дровами закончить.

Нина. Иди, Коленька, иди.

Коля уходит спать. **Нина** пьёт молоко с хлебом. Потом на цыпочках подходит к «спальне», прислушивается. Снова подходит к столу. Немного посидела, опять пошла к «спальне». Потом тихонько подходит, открывает чемодан, достает банку сгущёнки и ножом с большим трудом, аккуратно продельвает дырочку по краю банки. **Нина** пьёт сгущёнку из банки. Выпив всю, она снова кладет банку в чемодан и тихонько уходит спать. Лампа мигает и гаснет.

Весна. **Нина** что-то рисует. **Коля** чистит картошку. Вбегает **Луша**.

Луша. Коля, мать дома?

Коля. Нет, ещё не пришла. А что случилось?

Луша. Случилось, Коля, случилось. Девочки-то наши...

Коля. Что, девочки?

Луша. На заводе сказали, девочки наши... убили их... всех троих убили... под обстрел попали...

Коля. Как это убили? Нет, не может этого быть. Я к маме, на завод.

Нина. Коля, а я?

Коля. Нина, ты тут с тётей Лушей побудь.

Коля выбегает.

Нина (*ему вслед*). Коля, это я... это я виновата... Коленька, прости меня... я не хотела... я правда не хотела! Не хотела я (*плачет*).

Коля. Не плачь, Нина. Я за них отомщу. Я всё равно уйду на фронт. Вот увидите.

Луша. Ниночка, да ты-то при чём?

Нина. Тетя Луша, это я виновата. Вы же ничего не знаете. Если бы не я, девочки бы не погибли. Вы же ничего не знаете. Я же их любила, и мама их любила. И Коля... Знаете, как Коля Танечку любил? Он только не говорил, а я же видела. Я даже видела, как они целовались. А теперь...

Луша. Ну-ну, успокойся. Не виновата ты ни в чем. Это, Ниночка, война виновата. Пойдём, полежишь немножко и успокоись.

Нина. Тётя Луша, а ты не уйдёшь?

Луша. Не уйду. Я тут посижу.

Луша уводит плачущую **Нину**, садится за стол и просто молча сидит. Возвращаются **Мать** с **Колей**. Садятся за стол. Все молчат. Выходит **Нина**. Она бросается **Матери** на шею и снова плачет.

Нина. Мамочка, прости меня, это я виновата.

Мария Ивановна. Доченька моя, ты-то в чём виновата?

Нина. Мамочка, я ведь их правда любила. И Катюшу, и Наденьку, и Танечку. Всех-всех любила.

Мигает лампа. Затемнение.

Наши дни. Квартира Нины Даниловны. **Нина Даниловна** сидит за столом.

Нина Даниловна. Да, вот так оно в жизни было. Мне ведь тогда лет десять-одиннадцать было. Я ведь себя виноватой считала в том, что их убили. Я ведь тогда думала, если бы я ту сгущенку втихушку не съела, у них бы сил больше было. И не убили бы их фашисты эти проклятые. Коля, брат мой, тоже на фронт ушёл. Тоже погиб. Через месяц, как ушёл. И отец погиб. Не вернулся. В самом конце войны погиб. Сколько тогда моя мама слёз выплакала! И я плакала. Много плакала, но никому тайны своей не открыла. А девочки... Они, поди, догадались, когда паёк-то свой достали. Стыдно мне тогда было. Очень стыдно. А не призналась. Так моя тайна вместе с девочками и ушла. А теперь вот чувствую – всё, хватит.

Не могу больше в себе таить. Повиниться надо. Хотя бы перед собой повиниться. Вот дочка придет, всё и расскажу. Тяжело это. В себе таить. Я ведь с тех пор, как увижу в магазине эту сгущёнку, плачу. Сейчас-то понимаю, не было в их смерти ни капельки моей вины. Понимаю, а на сердце всё равно тяжело. Тяжело на сердце.

Звонок в дверь. **Нина Даниловна** берёт со стола банку сгущёнки. Снова зачем-то протирает её полотенцем и убирает в шкаф.

Это память. Сколько лет уж стоит. Нельзя её трогать. А ту, что дочка купит, ту и открою. Ну вот, сейчас и повинюсь. Перед собой повинюсь. И девочек помяну. И Колю. И отца. Всех помяну. Слышу, слышу. Иду, иду.

Нина Даниловна идёт открывать дверь.
Занавес.